

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Юрий Яковлев

БАВАКЛАВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

БАВАКЛАВА

Рассказ

Рисунки Г. Мазурина

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1981

СКАН
МАК

Для чего я пишу книги, рассказываю ребятам интересные истории, знакоблю их с разными людьми?

Чтобы развлечь их? Чтобы помочь им интересно провести время?

Нет!

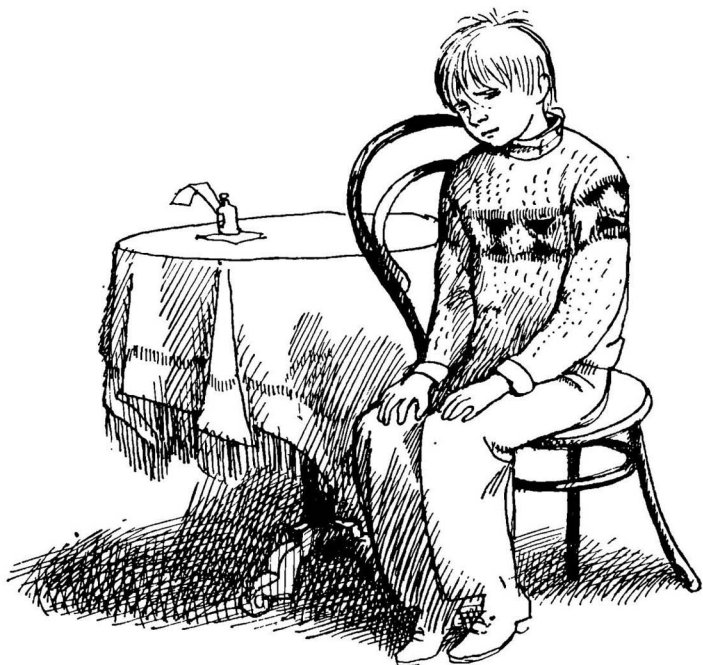
У моих книг другая задача — помочь ребятам жить.

Я хочу, чтобы и эта книжка стала твоим другом, помощником. Научила тебя думать не только о себе, чувствовать не только свою боль, но и боль тех, кто рядом с тобой. Любить не только себя!

Только не подумай, что книга — последняя страничка учебника, где есть ответы на все задачи. Книга не даст тебе готовый ответ, но она поможет самому решить задачи, которые задаёт тебе жизнь.

Эта книга — про мальчика и его бабушку, которую он скороговоркой называл «Баваклава». И если у тебя есть бабушка, то она наверняка чем-то похожа на Баваклаву. Прочти эту книгу, и, может быть, ты станешь немного иначе относиться к своей бабушке да и к другим людям, которые живут рядом с тобой. И сможешь больше уважать себя.

Юрий Яковлев

Юный Шаров сидел в кресле, вытянув ноги в серых брюках с пузырями на коленях. Он вобрал голову в плечи, подбородком же упёрся в грудь. Рыжеватые, давно не стриженные волосы налезали на глаза, рот был полуоткрыт, уши горели. Руками он вцепился в подлокотники кресла, да так сильно, что кончики пальцев побелели. Глядя на него, можно было подумать, что кто-то жёстко отсчитывает: «Пять, четыре, три...» — и когда произнесёт «один», раздастся грохот и кресло вместе с мальчиком взлетит ввысь, оставляя в небе огненный след.

На самом деле никакой полёт не предстоял — мальчик сидел перед телевизором и смотрел хоккей. Как все неповоротливые, мешковатые люди, он любил наблюдать за ловкостью и проворством других. И хотя в мире не существует переселения душ, душа юного Шарова покинула полное,

облечённое в поношенную школьную форму тело и перенеслась в могучий торс нападающего «Крылышек». Ах, юный Шаров, никто не знал, что здесь, в кресле, осталась только твоя оболочка в брюках с пузырями на коленках. Сам же ты перенёсся в таинственное зазеркалье телевизора и летишь, звеня коньками, по льду. Шайба приросла к клюшке. Обошёл одного игрока, второго. Сделал обманное движение. Защитник кинулся тебе под ноги — напрасно! Резкий рывок в сторону — и ты один на один с вратарём. Сердце похолодело от радостного напряжения. Вратарь замер в воротах, как огромный краб с поднятыми клешнями. Мгновение — в это мгновение юный Шаров вообще перестал дышать — и удар! Не очень сильный, даже лёгкий, но коварный: вратарь кинулся влево, шайба, кружась волчком, вкатилась в правый незащищённый угол ворот.

— Ура! — уже не на ледяном поле, а дома закричал юный Шаров и с треском отодвинул кресло.

Дверь отворилась. Отец, бледный, осунувшийся, глухим голосом сказал:

— Имей совесть!

И, не дожидаясь ответа, затворил дверь.

Юный Шаров нехотя вернулся из зазеркалья в комнату. Что-то пробормотал отцу, вернее, уже закрытой двери. И принялся жевать бутерброд с колбасой, отчего его губы сразу заблестели. Невнятная тревога портила хорошее расположение духа, как гвоздь в башмаке или соринка, угодившая в глаз. На ледяном поле продолжалась спортивная баталия. Но хоккей поблёк, утратил свою привлекательность. Словно сбился настройка и на экране всё происходит не в фокусе. Мальчик подошёл к телевизору, вяло повернул выключатель. Раздался слабый щелчок, и всё исчезло, погасло. Юный Шаров вспомнил, что умерла бабушка. Лежит рядом в комнате на узком старомодном диване с зелёными кисточками. Она рядом, и вместе с тем её уже нет, она где-то далеко. И от этой дали на сердце возникает гнетущая тяжесть.

Когда он вернулся из школы, пришлось долго звонить —

никто не открывал. Что она, уснула? Он здорово рассердился на бабушку и уже готовился высказать ей своё недовольство, но дверь открыл отец.

— Почему ты трезвонишь? — тихо, но с укором произнёс отец.

— Где Баваклава?

С раннего детства он привык так называть бабушку Клаву. Вместо «баба» — «бава» и в одно слово.

— Нет её, — отвернувшись, сказал отец.

— Ушла?

Отец ничего не ответил, зашагал прочь. А юный Шаров остался стоять посреди прихожей в шапке-ушанке, съехавшей набок, в расстёгнутом пальто. Ему казалось странным и то, что не Баваклава открыла дверь, и то, что отец какой-то растерянный, безразличный... Может быть, заболел и послал Баваклаву за лекарством?

Мальчик швырнул портфель в угол и начал стаскивать за рукав мокрое, тяжёлое пальто. После уроков была возня, а он, неповоротливый и толстый, «жирный — поезд пассажирный», как всегда, споткнулся и оказался в снегу.

Юный Шаров поднялся на носочки и, сопя, повесил пальто на крючок. Потом сорвал с головы шапку, забросил её на полку и принялся расшнуровывать ботинки. Шнурки обледели и были жёсткими, а мокрые ботинки уже успели оставить на паркете две овальные лужицы.

Где же Баваклава и почему отец дома? Юный Шаров сбросил ботинки на пол, сунул в тапочки мокрые, окоченевшие ноги и направился в комнату. Ботинки так и остались посреди прихожей, никто не поставил их сушить на батарею.

Стол не был накрыт. Юного Шарова никто не ждал к обеду. Мальчик недовольно поморщился и направился в кухню. Плита была холодной. Жёлто-синие короны не дрожали над газовыми горелками. Чайник не урчал. На сковородке не потрескивали котлеты.

Всё это не понравилось мальчику. Он спешил. Они договорились с Саней Ведерниковым пойти во Дворец водного

спорта, где тренер, товарищ Саниного отца, Борис Иванович обещал принять их в свою группу. Саня предупредил:

— Помойся под душем и надень чистую рубашку, врач будет осматривать.

А тут обед не готов. И неизвестно, когда ещё приготовят. Вечно Баваклава не вовремя уходит. Юный Шаров во второй раз крепко рассердился на бабушку.

Некоторое время он бесцельно ходил по квартире. Посреди прихожей на полу по-прежнему стояли башмаки. Баваклавы не было. Но почему на вешалке висело её потёртое пальто с серым воротником?

Юный Шаров решительно направился в бабушкину комнату. Баваклава была дома. Она лежала на своём плюшевом диване с зелёными кисточками. Кисточек недоставало: когда Шаров ещё не был юным, а был маленьким Лёней, то любил отрывать кисточки от бабушкиного дивана... Баваклава лежала на спине, крепко закрыв глаза, положив руки поверх одеяла. У неё были прямые, с лёгкой рыжиной волосы, открытый лоб, маленький нос бугорком поднимался над лицом. На лбу и у глаз не было морщин, они только намечались, пролегли ниточками. На подбородке была впадинка.

Баваклава спала, а отец и мать безмолвно сидели рядом и терпеливо ждали её пробуждения.

Юный Шаров потоптался на месте, потом тихо спросил:

— Заболела?

Не поднимая головы, отец ответил:

— Если б заболела! Умерла...

Потом он повернулся к сыну и резко сказал:

— Понимаешь, бабушка умерла!

Мальчик никак не отреагировал на слова отца. Слова прозвучали, но их смысл не дошёл до его сознания. Он смотрел на бабушку не с жалостью, а, скорее, с любопытством — за всю свою жизнь никогда не видел бабушку спящей. Утром, когда он ещё спал, бабушка была уже на ногах. Она трясла его за плечо и тихо говорила:

— Ты же опоздаешь в школу. Вставай, Лёня!

— Минуточку... Ещё минуточку,— сквозь сон молил юный Шаров.

Сон не отпускал его, затягивал в свои сладкие глубины. А бабушка всё трясла его за плечо. И, просыпаясь, он сердился на неё, словно она была виновата в том, что надо подниматься, вставать, идти в школу...

Не знал юный Шаров и когда бабушка ложилась спать, потому что укладывался и засыпал раньше её. Только теперь он увидел бабушку с закрытыми глазами. Гладкий лоб, нос-бугорок. Подбородок со впадинкой. Руки поверх одеяла. Всё это не внушало мальчику никакой тревоги. Напротив, в облике бабушки был устойчивый покой, который передавался внуку.

Он тихо вышел из комнаты и затворил за собой дверь.

Хотя сердце бабушки уже не билось, юный Шаров продолжал думать о ней, как о живой. Горе запаздывало, задерживалось в пути. И мальчик только смутно догадывался о его приближении. Он всё ещё ждал, что дверь отворится и в комнату войдёт бабушка.

— Три часа, а ты ещё не обедал! — воскликнет она и заснёт, засуетится, чувствуя себя виноватой за опоздание.

Привычка видеть бабушку живой, неутомимой, вечно бодрствующей была настолько сильна и неистребима, что смерть отступала перед ней. В сознании юного Шарова бабушка продолжала жить.

Он вдруг вспомнил, что голоден, и пошёл на кухню. Обед разогревать не стал, а сделал себе три толстых бутерброда с колбасой. Два тут же съел всухомятку. С третьим вернулся в комнату. Шёл мимо телевизора — щёлкнул выключателем. Как раз передавали хоккей, играли его любимые «Крылышки». И через несколько минут, вовлечённый в радостный круговорот игры, юный Шаров совсем забыл о Баваклаве.

Когда же голос отца — «Имей совесть!» — вернул мальчика к действительности и он — щёлк! — выключил телевизор, то вспомнил, что по пути из школы поленился зайти в

аптеку и взять для бабушки глазные капли. Эти капли действовали только два дня, их нельзя было купить впрок, и в его немногочисленные обязанности входило приносить бабушке свежие капли.

От капель его отвлекла мысль о Дворце водного спорта. Надо было разыскать чистую рубашку, а он никогда не доставал белья сам и не знал, где оно лежит. То ли у мамы в шкафу, то ли в коридоре — во встроенном. Ещё он забыл спросить у Сани, надо ли надеть чистые кальсончики или достаточно сменить рубашку.

Он сунулся в один шкаф, в другой. Ничего не нашёл и, чтобы оттянуть время мытья, прилёг на диван. Обычно в душ его загоняла Баваклава. Она мыла его сама. Даже когда он стал юным, приходила потереть спинку и помыть голову. С Баваклавой можно было и покапризничать и поплескаться. Мама же решительно совала его голову под кран. «Ой, горячо!» — «Ничего, в самый раз!» — «Ой, щиплет глаза!» — «Закрывай крепче!» — и никакого баловства и плесканий...

Юный Шаров поймал себя на том, что раньше никогда не задумывался о Баваклаве. Она всегда была рядом, всегда старалась помочь ему, услужить. Её имя «Баваклава» он произносил, как волшебное «Сезам, откройся!», если что-то было нужно. Стоило сказать «Баваклава» — на столе появлялся обед, убирались брошенные посреди комнаты ботинки, гладились брюки, решалась задача. Правда, задачи решались только в младших классах, потом бабушка «отстала», и задачи, которые задавали на дом, были ей не под силу. Она делала множество полезных, нужных для его жизни дел, освобождала его от забот. Поэтому он вспоминал о бабушке, только когда хотел есть, гулять, когда требовалась помощь или защита.

Зазвонил телефон. Юный Шаров вскочил с дивана. Поднял трубку. Знакомый голос весело затараторил:

— Старик! Салют! Это я — Саня. Ты душ принял?

— Зачем... душ? — растерянно спросил юный Шаров.

— Забыл, что ли? Только ноги мой как следует. Там врачи проверяют. И уши мой. Могут не допустить.

— Почему... не допустить?

— Что с тобой, старик? Ты спал, что ли? Мы же идём во Дворец водного спорта. К Борису Ивановичу. Усёк? Плавки нашёл?

— Нашёл, — механически ответил юный Шаров.

Ему казалось, что его дружок Саня Ведерников звонит из далёкого беззаботного мира, где всё в порядке и бабушки не засыпают среди бела дня.

— Жду тебя у входа. В четыре. Пятки три лучше! Усёк? Счастливый мир отключился.

Сегодня юный Шаров впервые думал о бабушке по-иному — без практической надобности. Почему-то вспомнил, как в раннем детстве она надевала ему под шапку платочек, чтобы мех не кололся и не задувал ветер. Когда он подрос, то стал стесняться этого платочка... И ещё стал обижаться, когда говорили, что он похож на бабушку. Как это мальчик похож на бабушку?! Ведь если ребята узнают об этом — засмеют! Он смотрелся в зеркало, стараясь убедить себя, что не похож. Но у него был нос бугорком, подбородок со впадинкой, волосы рыжеватые, как у бабушки...

Вспомнил, как много лет назад он с Баваклавой ездил в автобусе в лес, и бабушка рассказывала ему про деревья:

— Зимой все деревья одинаковые. А весной проклюнутся листья и деревья станут разными. Пойдёт сильный дождь. Глазастые цветы одуванчика запахнут мёдом и будут мазать нос жёлтой пыльцой.

Маленький Шаров попробовал цветок своим носом, а потом спросил:

— Как спят деревья?

— Стоя, — ответила бабушка, — покачиваются и спят.

Он задрал голову и увидел светло-зелёные кроны, которые покачивались и как бы плыли в голубом небе над головой.

— Они и сейчас спят, раз качаются?

Вместо ответа бабушка подвела его к осине. Ствол был гладким и зелёным, как гимнастёрка солдата. Бабушка показала ему дырочку — вход в дупло — и велела прижаться к стволу ухом. И он услышал, как поёт дерево. Тихо, тоненько, звонко.

— Почему оно поёт? — спросил мальчик.

— В дупле живут птицы.

И тогда маленький Шаров решил: «Деревья спят стоя, а в животе у них поют птицы. Хорошо быть деревом!»

Юный Шаров вздохнул и нехотя направился в ванную, отмывать свои чёрные пятки.

Стоя под душем, пыхтя и роняя на пол хлопья мыльной пены, он попробовал дотянуться до спины, но руки оказались коротки. Мочалка скользила по бокам, едва касаясь лопаток, дальше же было достать невозможно, и он чуть было не крикнул по привычке: «Баваклава, потри спину!» Но вовремя спохватился. В третий раз намылил живот — его удобно было мыть — и тёр мочалкой до тех пор, пока живот не порозовел. Пятки же отскоблить так и не удалось, они остались тёмными. Потом он долго стоял под душем с закрытыми глазами и чувствовал, как тёплые водяные шнурочки облегают тело.

Чистую рубашку без бабушкиной помощи найти так и не смог.

Выходя из дома, мальчик встретил соседа Ивана Рахилло. Сосед был крупным седым мужчиной, с лицом красным, словно только что помытым снегом. Когда-то сосед был военным лётчиком, летал на Севере и однажды привёз домой пойманного на льдине белого медвежонка Умку.

— Здравствуй, юный Шаров! — сказал сосед и поднял для приветствия руку. Это он придумал называть Лёню «Юный Шаров». — Как твои успехи?

Не было сегодня у юного Шарова никаких успехов. Он пожал плечами и сказал:

— Иду во Дворец водного спорта.

— Прекрасно,— сказал бывший лётчик.— Ты знаешь, где у тебя находятся почки?

Мальчик пожал плечами, не знал.

— Может быть, у тебя вовсе нет почек?

— Если полагается — есть,— неуверенно ответил он соседу.

Он думал, что сосед начнёт его стыдить за незнание, но, вопреки ожиданиям, Иван Рахилло воскликнул:

— Это хорошо, что ты не знаешь, где находятся почки. Я, к сожалению, отлично знаю. Болят они у меня.

Мальчик посмотрел на соседа и обратил внимание, что налитые голубизной глаза бывшего лётчика потемнели. Может быть, он всё знает про Баваклаву и только для виду заговорил о почках, которые, оказывается, есть не только у деревьев, но и у людей.

Трамвай движется медленно. Никак не может увезти юного Шарова от тревожных мыслей, от дома, где в первый и последний раз уснула бабушка, Баваклава. Надо думать о другом! Надо думать о другом! Например, о Дворце водного спорта. В трамвае давка. Окна покрыла изморозь. Не видно, что там, за окнами. Может быть, трамвай не движется, а топчется на месте, крутит колёса вхолостую? Поток выходящих людей буквально вынес мальчика на переднюю площадку. Здесь, у вагоновожатого, окна были чистыми. Трамвай двигался. Навстречу, двумя расправленными молниями, летели рельсы.

Надо думать о бассейне! Он вспомнил, как они с классом ходили сдавать нормы по плаванию. Из жаркой, заполненной паром душевой он вышел в огромный гулкий зал, где жутковато пахло хлоркой. Холодок пронизывал тело, вызывал лёгкую дрожь. Вода в бассейне была голубая, будто её

подсинили. Нырнѣшь белым — вынырнешь синим. Совсем близко раздался оглушительный всплеск — это с высокой семиметровой вышки нырнул спортсмен. Вот бы научиться так! И тут послышалось: «Эй, мальчик! Это я тебе говорю!» Кто-то из ребят толкнул его в бок: «Жирный, твоя очередь!» Он прыгнул с бортика, больно ударился животом и наглотался горькой воды. Но не подал виду, поплыл, высоко взмахивая руками и отворачивая голову от собственных брызг.

Неожиданно его мысли оторвались от бассейна и снова вернулись к Баваклаве. Он вспомнил, как несколько лет назад гостил с бабушкой в деревне. Деревня называлась Кремена, и речка называлась Кремена. Там была старая водяная мельница. Со скользкой, позеленевшей плотины хорошо ловилась рыба-уклейка. Хозяйкин кот Пузырь очень любил эту рыбу.

Однажды через деревню Кремену шли войска. Поднимая коричневое облако пыли, с лязгом и гуденьем двигались танки. От их тяжёлого хода в буфете жалобно дребезжали стаканы. Он выбежал из дома. Танки шли совсем близко, от них тянуло жаром. Во рту стало сухо и горько: это он наглотался пыли.

За танками двигались бронетранспортёры с пехотой.

Мальчик не заметил, как из ворот вышла бабушка, встала рядом и тоже стала смотреть на проходящие войска. Бойцы были усталые, опалённые солнцем, покрытые пылью. Они как бы возвращались из боя.

— Баваклава, война началась? — тревожно спросил мальчик, не отрывая глаз от пылящих машин.

— Господь с тобой! Солдаты учатся, — ответила бабушка. — Возьми ведро и кружку, может, кто из них захочет напиться.

Мальчику понравилась бабушкина мысль. Он принёс ведро воды и белую эмалированную кружку с чёрной щербинкой и вышел за ворота.

Иногда колонна ненадолго останавливалась. Тогда бойцы с удовольствием пили холодную колодезную воду и благода-

рили его. Он только успевал подавать белую кружку. Напоил целую армию!

Трамвай остановился.

— Эй, молодой человек, выходишь или нет? — послышался за спиной нетерпеливый голос.

И юного Шарова буквально вытолкнули из трамвая. Валил густой, удивительно тихий снег. Словно ему надлежало греметь, но кто-то выключил звук. Сквозь белую сеть метели юный Шаров увидел здание Дворца водного спорта. Оно было прозрачным и светилось. На ступенях дворца, засунув руки в карманы, его поджидал Саня Ведерников. На нём был изрядно засаленный кожанок и спортивная шапочка с помпоном.

— Старик! Мы опаздываем! Прибавь ходу! Усёк? — закричал Саня, нетерпеливо прыгая на месте. — Как пятки? Оттёр?

— Я живот оттёр, — признался юный Шаров.

— Жи-вот, — растягивая слово, произнёс Саня Ведерников. — Побежали!

Они быстро поднялись по запорошённым ступеням дворца и скрылись за большой дверью.

Сперва их не хотели пускать без пропуска. Саня горячо доказывал, что он знакомый Бориса Ивановича. Но оказалось, что вахтёр не знает никакого Бориса Ивановича. Ребят выручила уборщица.

— Они, наверно, к Боре Кулакову.

— К Бориске? — переспросил вахтёр.

Саня, не задумываясь, подтвердил:

— К Бориске.

И их пустили.

Ребята сняли пальто в гардеробе и направились было в бассейн, но тут опять встретились препятствия. В раздевалке, через которую нужно было пройти, тоже требовали пропуск. И снова Саня горячо доказывал, что они к Борису Ивановичу, ну, к Борису Кулакову, к Бориске...

И тут в дверях показался сам тренер.

К удивлению юного Шарова, тренер оказался совсем молодым щуплым парнем.

— Мальчики? Пришли? Отлично!

Каждая фраза состояла из одного слова.

— Ждите!

— А нельзя ждать в бассейне? — спросил Саня. — Мы бы посмотрели.

— Нельзя! Привет! Ждите!

Борис Иванович ушёл, оставив ребят в холле.

— Будем ждать! — сказал неунывающий Саня. — Он занимается с группой, потом весь бассейн будет наш.

— Зачем нам весь бассейн? — сказал юный Шаров. — Нам и половины хватит.

— Ты полотенце захватил? — строго спросил Саня.

— Нужно полотенце?

— Вытираться чем? Мы же плавать будем.

— А я думал, только к врачу... Помылся.

Саня Ведерников махнул рукой и сел на стул перед столиком, на котором лежали старые журналы. Он взял «Крокодил» и стал рассматривать картинки.

Юный Шаров садиться не стал. Походил по холлу, потом подошёл к огромному окну. Сгущались сумерки. Валил снег. Стёкол почти не было видно, и казалось, что снег, как дрессированный, летит до определённой черты и останавливается. И мир как бы поделён стеной на тёплый и холодный, светлый и тёмный. На мир жизни и мир смерти.

Чай пила. Баранки ела.

Позабыла, с кем сидела.

Юный Шаров почему-то вспомнил эту прибаутку и произнёс её вслух, касаясь губами холодного стекла. Это была бабушкина прибаутка. Баваклава знала много разных стихов, частушек, прибауток, которые когда-то давно были в ходу. Юный Шаров относился к ним высокомерно, подсмеивался над ними, а заодно и над бабушкой, хранящей

всякую ерунду. Но теперь эта прибаутка, всплывшая в памяти, не показалась ему такой уж ерундовой. Он повторил её шёпотом, и на сердце стало горько-горько...

Юному Шарову было двенадцать лет, но он был убеждён, что прожил долгую жизнь и умудрён опытом. Иногда он улыбался своим мыслям. А когда его спрашивали: «Что ты улыбаешься?» — пожимал плечами: мол, где вам понять, чему я улыбаюсь.

С той поры, как он стал *юным*, что-то изменилось в нём. Он замкнулся, ко всему относился с усмешкой. Этаким бывалый человек, прошедший огонь и воду... Баваклава не знала, как к нему подступиться, — таким он стал важным.

— Баваклава, почему у тебя нет подруг? — В его вопросе звучал укор.

— Были у меня подруги, — отвечала бабушка. — Все умерли.

— Заводи новых!

На каждый случай у него был готов ответ.

— Друзья так просто не заводятся. С ними надо жизнь прожить.

— Ты и проживи с ними жизнь.

— Мало её осталось, жизни.

— Почему?

Были всё-таки на свете вещи, которые он не мог понять. Например, он радовался, когда брал, получал. И это было естественно. Баваклава же радовалась, когда отдавала. Хотя отдавать ей было особенно нечего. Сперва юный Шаров думал, что бабушка делает вид, что ей не жалко вещи, которую она отдавала другим. Потом — зашёл в тупик. Он зашёл в тупик и, чтобы выбраться из него, решил сам попробовать отдать. И, отправляясь на день рождения к Сане Ведерникову, взял с собой маленький охотничий ножик с костяной ручкой, в кожаных ножнах. Этот ножик привёз ему дядя из Австрийских Альп, где такие ножи у всех и каждого. Хотя нож был вроде бы и не совсем настоящий — не больше перочинного, — мальчик очень дорожил им.

Он пришёл к Сане и протянул ему подарок:

— На вот, бери!

У Сани от радости перехватило дыхание, а уши запылали от удовольствия.

— Нож! Охотничий! Настоящий!

Он вынимал нож из ножен и вкладывал его обратно. Нюхал кожу. Пробовал остроту лезвия. И, глядя на друга, юный Шаров вдруг почувствовал, что радость товарища передаётся ему. И у него тоже запылали уши...

В тот вечер что-то сдвинулось в сознании юного Шарова, перешло на другой путь и покатилося, покатилося... Он тогда не подумал о Баваклаве. И на пионерском сборе, рассказывая, как поил усталых солдат, возвращавшихся с трудных учений, забыл, что это бабушка посоветовала ему.

Только теперь, когда её не стало, он с опозданием начал смутно догадываться, что Баваклава не только кормила, будила, обстирывала его, но и делала ещё незаметную, очень важную для него работу. Это открытие удивило его. Потому что до сегодняшнего дня он считал Баваклаву тёмной и отсталой. Она не знала о «чёрных дырах» Вселенной — сверхплотных звёздах, не знала о «королевских примулах» — цветах, распускающихся накануне землетрясения, не знала, почему «Крылышки» сильнее ЦСКА...

Когда Баваклава, разглядывая в его дневнике жирную двойку, спросила, почему он неверно ответил урок, он снисходительно улыбнулся:

— Коперника сожгли на костре за верный ответ!

И был чрезвычайно доволен своим хлёстким ответом, обезоружившим бабушку. Он часто говорил: «Теперь так носят... Теперь так не говорят... Теперь такого нет...»

Всячески стараясь подчеркнуть, что он человек современный, а у неё, у Баваклавы, всё в прошлом. Он был холодным и огорчал бабушку иногда умышленно, из-за какого-то необъяснимого злорадства. Знал, как сделать ей больно, и делал. Порой бабушка, пытаясь смягчить его, вспоминала о времени, когда он ещё не был юным.

— Помнишь, Лёначка, как ты говорил: «У этой тётки в кармане тучка, а у этой облачко. Тучка — у плохой...»

— Угу,— безразлично буркал мальчик. Страничка из былой жизни не интересовала его.

— А помнишь, как ты в первый раз с отцом ходил в баню? Не хотел идти, боялся. А когда вернулся, сказал: «Ничего страшного. И пускают без трусов». Очень гордился, что побывал с отцом в бане.

Бабушка помнила о его детстве больше, чем он сам. А говорят, старость отбивает память. Он выслушивал бабушкины воспоминания со скучающим видом и восклицал:

— Преданья старины глубокой!

— А помнишь, как учила тебя есть яйца в мешочек? «Ударь яйцо по лбу ложкой. Аккуратно очисти. Посоли. Поддень ложкой, и яйцо посмотрит на тебя жёлтым глазом».

Юный Шаров вспомнил, как его удивило, когда из фарфоровой рюмочки на него глянул жёлтый зрачок, окружённый белком. Глаз был живой. Он видел маленького Шарова, как маленький Шаров видел его. Теперь же он пробурчал:

— Не помню!

Став юным, он относился к своему прошлому насмешливо, с презрением, словно не он был тем малышом, а совсем другой человек. Тот, другой, не занимал его. А Баваклава любила и того и этого Шарова.

Теперь неожиданно бабушка показалась ему человеком важным и нужным, и он вздрогнул от мысли, что придётся жить без неё. Его самоуверенность куда-то трусливо отступила, заползла в щёлку, и ему показалось, что он очутился один в незнакомом месте. Куда идти? Как выйти на дорогу?

Оказывается, единственным человеком, который по-настоящему понимал его, была старая, смешная Баваклава. Теперь её нет. Ему захотелось закричать, но он задохнулся от своего отчаяния. Закрыв глаза руками, как делал в детстве, когда в кино показывали что-то страшное, и затаился.

...За стеклянной стеной шёл снег. Сумрачной рекой катил он свои тёмные в белую крапинку волны, превращал улицу в русло, фонари обернулись бакенами, предостерегающими суда от мелей, а люди, шагающие по тротуару, казались водолазами, едва различимыми сквозь мутную толщу.

Волны метели плескались рядом, беззвучно били в стеклянную стену. Что, если они выбьют стёкла дома и вольются в комнату? А может быть, они уже гуляют по родному дому и потому так холодно и горько на душе?

Он подошёл к Сане, который читал «Крокодил», и сказал:
— Сань, я пойду.

— Да куда ты? Борис Иванович сейчас освободится. Поплаваем.

— Я пойду, Сань. Мне надо...

— Что тебе надо?

— Капли... для бабушки.

— Да брось ты! — Саня даже вскочил с места. — Подождёт она свои капли.

— Нет! Она не может ждать! Не может!

Юный Шаров повернулся и быстро зашагал к выходу.

При нём никто никогда не умирал. Он не знал, как поступить в таком случае. И первое время жил как обычно. Включил телевизор, помчался во Дворец водного спорта. Только сейчас он почувствовал, что произошло что-то резкое, болезненное. Он постепенно начал понимать значение смерти.

Он защищался. «Она уснула... Она уснула, — сам себя убеждал юный Шаров. — Она не спала очень долго и отсыпается за всю жизнь. Бывает же, что человек спит год, а то и больше. Летаргический сон...» Он не хотел допускать смерть к Баваклаве. Он обманывал себя — она уснула! — и в этом обмане слились отчаяние и любовь.

Он шёл как водолаз по дну моря, разгребая руками мутные массы снега. Его обгоняли трамваи, и тогда он бежал,

потом снова шёл. Ветер дохнул вдруг в лицо хлоркой. И перед глазами мальчика на мгновение возникла заманчивая голубая гладь бассейна, послышались всплески воды. Они звали его, но юный Шаров решительно потрянул головой — нет! — и огляделся: в серых хлопьях метели раскалённым докрасна железом пылало слово: «Аптека». Это от неё пахло хлором.

Ему вдруг стало жалко бабушку, хотя жалеть её уже было поздно. Никто её не тревожил, ничего у неё не болело, и глаза не нуждались в свежих глазных каплях. Ей было хорошо. Вернее, никак. Плохо было ему. Мальчику казалось, что он жалеет бабушку, на самом же деле он жалел себя, осиротевшего без Баваклавы.

Сам не понимая почему, он вошёл в аптеку. Осмотрелся. Встал в очередь к окошку, где выдают лекарства. Снежные сугробики растаяли на шапке и на плечах. Лицо стало гореть. Юному Шарову вдруг показалось, что все смотрят на него вопросительно, отчуждённо. Он повернулся и хотел было уйти, но провизор узнал его, окликнул:

— Что ж ты не берёшь лекарство? Оно готово с утра.

Не зная, как объяснить провизору, что случилось с бабушкой, мальчик молча взял пузырёк и зашагал прочь...

На улице здорово мело. Снег слепил глаза. И люди шли против ветра, наклоняясь вперёд, натыкаясь друг на друга. Он зажал пузырёк в кулаке, словно в нём была роса, которую по каплям собирают каждый день для тех, у кого болят глаза. Он запоздало выполнял свой маленький долг перед Баваклавой. Хотя долг его перед бабушкой был куда больше.

Он вспомнил, как очень давно упал и разбил коленку. Ревел тогда на весь двор. Думал, что сломал ногу, и ревел. Баваклава взяла его на руки — большого, шестилетнего мальца — и понесла. Она несла его, а он ревел, хотя нога болела не так уж сильно. И ничего он не сломал. Он ревел, а она несла. Он был толстым, «жирный» — поезд пассажир-

ный», и бабушке было тяжело нести этот «поезд». Но она несла его в охапке, прижимая к себе.

Дома ей стало нехорошо. Она прилегла. А он занялся плюшевым мишкой и забыл про свою коленку.

— Не больно? — спросила с дивана бабушка.

Коленка перестала болеть, но он на всякий случай со-
врал:

— Больно!

Мерзким он был парнем в детстве, вспоминать тошно!

Потом ему надоел плюшевый медведь, он подошёл к дивану. Бабушка тяжело дышала, лицо её было непривычно бледным. Над верхней губой выступили бисеринки пота. Даже он заметил это.

— Ты что, Баваклава? — спросил он.

— Ничего... Вот вырастешь большой, понесёшь меня в больницу, когда мне станет плохо.

— Понесу,— ответил маленький Шаров, а сам подумал: «Зачем носить, есть машины с красным крестом... для взрослых».

Сейчас он шёл быстро, словно боялся опоздать к отходящему поезду. Снег воздвигал на его пути белую стену. И юный Шаров невольно вытягивал вперёд руку, чтобы не наткнуться. Вдруг он придёт на свою улицу, а там ни бабушки, ни дома, никого. Отошёл поезд.

На углу, возле сквера, он наткнулся на родителей. Они шли рядом — папа держал маму под руку, — согнутые, облепленные снегом.

— Мама!

— Это ты? Где ты был? — Мама смахнула налипшие на ресницы снежинки и с удивлением посмотрела на сына.

— Ходил в аптеку.

— В аптеку? — удивился папа. — Зачем... в аптеку?

Родители грустно переглянулись.

Так они стояли в водовороте метели, словно сбились с пути и не знали, в какую сторону податься.

— Ну хорошо,— сказал отец,— иди домой. Мы скоро вернёмся.

Возле дома юный Шаров встретил соседа. Бывший лётчик гулял с непокрытой головой, и его белые волосы перемешивались с хлопьями снега.

— Юный Шаров, знаешь ли ты, что сегодня солнцеворот,— сказал сосед.— День прибавился на одну минуту.

В хлопьях снега сосед был похож на древнего кудесника.

Мальчику было не до солнцеворота. Он ничего не ответил.

— Что-нибудь случилось? — вслед ему крикнул Иван Рахилло.

— Случилось! — ответил мальчик, и сердце его сжалось.

Он тихо отворил дверь и вошёл в бабушкину комнату. Горел слабый свет. Бабушка лежала в постели с закрытыми глазами. Стараясь не наступать на скрипящие половицы, он подошёл к овальному столику и поставил ненужный пузырёк с каплями рядом с блюдечком, на котором лежала пипетка. Он осмотрел бабушкину комнату и неожиданно почувствовал, что комната сама по себе очень дорога ему. Помимо плюшевого дивана с зелёными кисточками, стола на витой ножке, в комнате стоял платяной шкаф. Несколько венских стульев со спинками, изогнутыми, как трамвайная дуга.

Юный Шаров знал, что в верхнем ящике комода хранится обгорелый лоскуток боевого знамени. Его привёз с войны дедушка. Он ворвался в охваченный пламенем блиндаж, где все были убиты прямым попаданием снаряда, и вынес горящее полковое знамя...

Когда мальчик принёс в класс опалённую частичку знамени, ребята с замирающим сердцем разглядывали её и завидовали Шарову. Ведь это его дедушка спас знамя!

А Баваклава никакого знамени не спасала, но в годы войны она выходила своего маленького сына — будущего отца юного Шарова. По ладожскому льду, едва живого, вывезла его из осаждённого Ленинграда, прикрывая собой от фашистских осколков и ледяного ветра. В незнакомой Костромской области работала в колхозе, а после работы ещё косила сено и меняла его на молоко. На кружку молока для сына! Про неё местные говорили: «Ты, Клавдия, хоть и городская, но двужильная!» А она не была двужильной, едва волочила распухшие ноги, но шла. Шла, как солдат идёт в бой. Если б не эта кружка молока, сын бы не вытянул... Отец часто вспоминает корову Милку, которая поила его молоком в голодные военные годы. А юный Шаров пьёт молоко не от коровы, а из магазина. Отрезает уголок картонной пирамидки ножницами и пьёт сколько хочет...

Мальчик посмотрел на Баваклаву и подумал: «Как можно так долго не дышать! Не хотеть есть, ничего не видеть и не слышать! Лежать неподвижно». Он вдруг испугался этой неподвижности. И тогда взгляд его упал на старые настенные часы. Две большие латунные гири лежали на полу, а маятник замер... Юному Шарову было настрого запрещено заводить часы, потому что однажды он сорвал гирю и из неё посыпалась дробь. Баваклава долго ползала по полу, собирала дробинки, а он помогал ей, но часть дробинок клал себе в карман...

Сейчас надо было разрушить эту неподвижность! Пусть хоть маятник движется, прищёлкивает, шагает...

Он подошёл к стене, взялся за колечко и потянул цепь. Гиря оторвалась от земли и, как полное ведро из колодца, тяжело поплыла вверх. Мальчик перевёл дух и поднял вторую гирю. Потом легонько подтолкнул маятник — и часы ожили, заходили, торопясь наверстать упущенное время.

Юный Шаров повернул голову. Бабушка спала. Не уви-

дела, как он, вопреки запрету, завёл часы. Не услышала хода часов. Спала...

Мальчику захотелось позвать её: «Вставай! Опоздаешь!»

Куда опоздает Баваклава? Убирать за ним ботинки? Подогревать суп и котлеты? Мыть посуду?

Часы вдруг захрипели, откашлялись и стали бить. Они били гулко и, как показалось юному Шарову, весело. Часы проснулись. Ожили. А Баваклава спала...

И тут юный Шаров совершенно серьёзно подумал, что жизнь в доме остановится, если бабушка не проснётся. Остановится, как часы, у которых кончился завод.

Ему никогда и в голову не приходило, что можно жить без неё. Она была чем-то насущным и вечным, как воздух, вода, хлеб. Она была тем вечным двигателем, который приводил в движение жизнь дома. Отец и мама целый день были на работе, юный Шаров — в школе. А дом жил: в нём варился обед, стиралось бельё, выметался мусор, гладились брюки, чтобы не было пузырей на коленках. Делалось множество больших и малых дел. И всё это — руками бабушки. Сердце Баваклавы не только разгоняло кровь по старым жилам, но и обогревало дом, делало его живым.

Он наклонился над бабушкой и заглянул ей в лицо. Бабушкино лицо было такое же, как всегда. Приветливое. Спокойное. Виноватое.

Виноватое? Может быть, бабушка чувствует себя виноватой, что лежит сложа руки и не может накормить внука, постирать ему белую рубашку и к торжественной линейке погладить красный галстук?

«Не может,— подумал внук,— и никогда не сможет. Никогда».

Никогда. Это обычное слово вдруг налилось свинцовой тяжестью, стало жёстким, ледяным. И чем больше мальчик думал о нём, тем страшнее становилось это слово... Можно подождать день, неделю, год... Несколько лет можно подождать. А если ждать всю жизнь и не дожидаться?! Может быть, совсем не ждать? Не ждать, что завтра утром бабушки-

ны руки будут осторожно трясти его за плечи... Кто же поднимет его, если не будет этих рук? Никто, и он будет спать вечно... как Баваклава сейчас?

Когда Шаров не был ещё юным, а был первоклассником — он теперь с усмешкой вспоминал это время, — то начал впервые ставить числа в тетради. Он писал: 1 ноября, 2 ноября, 3 ноября. Так дошёл до двадцатого, до тридцатого. И пошёл дальше: 31, 32, 33, 34... Учительница заметила, остановила его. Сказала:

— Таких чисел не бывает. В ноябре только тридцать дней.

Он очень огорчился. Ему нравилось писать числа всё дальше и дальше.

Придя домой, спросил бабушку:

— Почему не бывает тридцать четвёртое ноября?

— В ноябре тридцать дней, — ответила бабушка, — в декабре будет тридцать один.

— А когда будет тридцать четыре?

— Никогда.

Так он впервые услышал слово «никогда». Он не понял его и про себя подумал: «Когда-нибудь будет... тридцать четвёртое».

Теперь в бабушкиной комнате он снова задумался над трудным значением слова «никогда». Слово наваливалось на мальчика всей своей тяжестью и сливалось с другим таким же трудным словом «бесконечность».

«Всё имеет начало и конец, — рассуждал юный Шаров, — а как же небо? Должен быть у неба конец? Наверное, высокий, тёмный купол, усеянный звёздами, и есть конец неба? А что же за этим куполом? Ещё один купол, побольше?...»

Так он создал свою модель Вселенной. Она напоминала деревянных матрёшек: маленькая вставлялась в большую. Сколько же во Вселенной таких «матрёшек»? Сто? Тысяча? Миллион? Но ведь должна же быть где-то последняя «матрёшка»? А что за последней? Лоб покрылся испариной. Голова гудела. Юный Шаров никак не мог постичь своим умом бесконечность.

Потом он подумал о «чёрных дырах» Вселенной. Эти «дыры», как водовороты, засасывают пролетающие метеориты и лучи соседних звёзд. А один учёный сделал предположение, что «чёрные дыры» — коридоры, ведущие в антимир. «Мир наоборот». Там время движется назад. И если у нас люди стареют, то в «мирах наоборот»: старые становятся молодыми, потом превращаются в детей, потом... Если бы бабушка побывала в таком мире и вернулась бы помолодевшей!..

Так рассуждал юный Шаров, борясь со страшным «никогда». Он закрывал глаза. Тёр ладонью лоб. Пыхтел, будто поднимал тяжесть. Потом его взгляд упал на пузырёк с глазными каплями, и он неожиданно заплакал.

Всю жизнь он обвинял других: родителей, учителей, товарищей... Но больше всех доставалось Баваклаве. Прикрикивал на неё, грубил. Надувался, ходил недовольным. Сегодня он впервые взглянул на себя со стороны, другими глазами. Какой он, оказывается, чёрствый, грубый, невнимательный. Опаздывал, а то и вовсе не заходил в аптеку. Вот и сегодня принёс свежие капли с опозданием.

Зазвонил телефон. Юный Шаров вздрогнул. Морщась, как от боли, нехотя побрёл к телефону. Трубка показалась ему непривычно тяжёлой.

— Я слушаю.

— Клавдию Ивановну можно?

Этот голос, бодрый и весёлый, донёсся из другого мира, где никто не умер, где всё в порядке. У мальчика не хватило сил сказать то, что есть. Он мучительно думал, как избежать налитого болью слова «умерла».

— Что ты молчишь? — послышалось в трубке.

— Её нет, — выдавил из себя юный Шаров.

— А когда будет?

— Никогда...

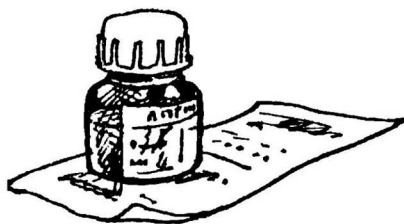
— Ты невежа, — послышалось в трубке, и сразу би-би-би...

Весёлый, благополучный мир отключился, умчался вдаль, весело бибикая.

«Она умрёт, когда её забудут, но пока хоть одно сердце помнит её, она жива», — неожиданно подумал мальчик. Эти слова сами всплыли в памяти. Память бросила их ему, как спасательный круг. Она жива! Её жизнь зависит от него, от его сердца.

Он должен жить не только для того, чтобы ходить в школу, гонять на коньках, смотреть по «телеку» хоккей. Он должен жить, чтобы не пропустить самого главного — завести часы в бабушкиной комнате и хранить лоскуток полкового знамени. Он должен жить, чтобы нести людям то, чему его незаметно научила Баваклава.

Жить для людей.

Для младшего школьного возраста

Юрий Яковлевич Яковлев

БАВАКЛАВА

Рассказ

ИБ № 5002

Ответственный редактор Л. П. Серебрякова.
Художественный редактор А. Б. Сапрыгина.

Технический редактор Т. П. Тишина.

Корректор Л. Г. Петровичко.

Сдано в набор 7.08.80. Подписано к печати 10.12.80. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 2. Усл. кр.-отт. 2,25. Уч.-изд. л. 1,47. Тираж 750 000 экз. Заказ № 2096. Цена 5 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушёвский вал, 49.

К читателям

*Отзывы об этой книге
издательство просит присылать
по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Яковлев Ю. Я.

Я47 Баваклава: Рассказ/ Рис. Г. Мазурина.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1981.— 32 с., ил.— (Книга за книгой).

5 коп.

Рассказ о взаимоотношениях бабушки и её внука. О тонких, глубоких чувствах, которые постепенно пробуждаются в душе мальчика.

Я **70802—049**
М101(03)81 231—81

Р2

5 коп.